

Зачистка

Автор:

Леонид Колос

Зачистка

Леонид Львович Колос

Насколько жизнь человека зависит от окружающих его обстоятельств? От родни, друзей, знакомых? Герой этого рассказа полагает, что он делает свою биографию сам. Что он может игнорировать обстоятельства. Что они никак не влияют ни на ход его мыслей, ни на его поступки. Что внешние обстоятельства, особенно те которые ему не импонируют, он может исключить из биографии, и они никак не влияют на его жизнь. Жизнь его сложилась обыкновенно, даже неплохо. Но, оказалось, были в ней моменты, когда можно было поступить и иначе. А поступил он так, а не иначе, потому что обстоятельства сказали свое слово.

В трубке сказали

- Это Дима, - и последовало уточнение, - Координатор

Сергей Львович прекрасно знал, что означает это слово. Он знал только одного человека, называющего себя координатором. Именно того, который сейчас звонил. И теперь Сергей Львович ждал, что тот скажет.

- Мы тут решили, - Дима чуть замялся, - Расчистить еврейский уголок на кладбище. Ну, вы знаете, наверное, где. По левой стороне от центральной аллеи. Там и ваша бабушка похоронена.

Координатору, подумал Сергей Львович, следует оправдывать свое наименование хотя бы тем, что он определяет координаты еврейского уголка на кладбище. Сергей Львович был в курсе истории этого вопроса. Скорее,

проблемы. Евреев в городе практически не осталось. Молодежь частью обрусела, часть уехала. А старые могилы остались. Еврейских могил больше, чем живых евреев. И даже полуевреев. Кто за ними присмотрит, если потомков разнесло по миру?

- Понятно, - невозмутимо произнес Сергей Львович.

- В воскресенье. Как вы на это смотрите?

- Позитивно.

Вообще-то кладбище не входило в его планы, более того, ломало его планы. В пятницу вечером он обычно отправлялся с женой и дочкой на дачу. А в понедельник рано утром семья возвращалась в город. А теперь придется в воскресенье утром тащиться с дачи на кладбище, а потом возвращаться на дачу. Но никуда не денешься. Так диктует долг.

- Ну, так в воскресенье в десять у входа на кладбище, - сказал Дима.

Хотя на еврейском уголке была похоронена бабушка Маша, папина мама, Сергею случилось посетить его всего пару раз. Приходил с отцом. Почти принудилровка. На кладбище его не тянуло. Бабушку он почти не знал. Она долгое время жила в другом городе. Далеко. Сережа ездил к дедушке с бабушкой всего раз, когда заболел дедушка Коля. Давно, еще до школы. Тогда папа взял его с собой.

Ему вспомнилась эта давнишняя поездка. Как ему было томительно скучно у бабушки! Развлекаться вволю ему там не позволяли. Как тогда сказала бабушка, не до веселья. Больной дедушка лежал в дальней комнате. Сережу к нему не пускали. А Сережа с папой, приехавший, несколькими днями раньше папин младший брат, дядя Витя, и бабушка, - жили вчетвером в другой, большей, проходной комнате. Отец с дядей Витей спали на огромном мягком, пухлом диване. Дома у Сережиных родителей такого гигантского, лоснящегося черной кожей, как кит, дивана не было. Да и ни у одного из приятелей Сережа такого дивана не видел. На таком диванище прыгать бы и кувыркаться в свое удовольствие аж до упаду. Но прыгать Сереже не позволяли, потому что шум и

пыль вредны больному дедушке.

Папа с дядей раскладывали диван на ночь каким-то непонятным, невероятным образом. Как фокус в цирке. И Сережа стоял рядом и наблюдал, пытаюсь уловить таинственную механику превращения дивана в плоскую кровать. Диван, наверное, не очень-то желал поддаваться, превращаться в кровать.

Сопротивлялся, и скрипел, как обиженный. На его выдвижной части не хватало одной ножки, и папа подставлял вместо нее два толстых тома из дедушкиной библиотеки. А чтобы днем не было тесноты, папа утром, снова под обиженный скрип и кряхтение, превращал кровать в диван. Сережа спал на легкой и подвижной, как тачанка, раскладушке. Папа и дядя Витя раскладывали диван заранее, но ложились позже. И Сережа изобретал предлоги, чтобы понежиться на диване. Но бабушка на его прихоти не поддавалась. Сказала, как отрезала: каждому свое место. И Сережа понял, капризы тут не прокатят. А еще Сережа обиделся, когда услышал как бабушка, понизив голос почти до шепота, спросила отца, не нужен ли Сереже на ночь горшок. Ему было тогда уже почти шесть лет. Но папа объяснил ему, что бабушка просто давно не имела дело с детьми такого возраста, и просто забыла.

Раскладушка имела свои плюсы. Это была раскладушка для взрослого, не то, что в их детском саду. Бабушка несколько раз на ночь должна была вставать к дедушке, поэтому раскладушку поставили подальше от прохода в дедушкину комнату, и от прохода к ванной. То есть, вплотную к горке. Странным словом горка бабушка называла уставленный посудой небольшой стеклянный шкаф со стеклянными же полками. И эта горка была просто сказочной горой, кладовой чудес. Мама нечто похожее называла сервантом. Но у них дома что, не было той странной, затейливой посуды, что в бабушкиной горке. Рюмочки с вензелями и узорами, вазочки и чайнички невероятных цветов и форм, тоже с вензелями, а также блюдца и тарелки с красочными узорами, расписанные, точно картинки в книге с волшебными сказками. Как однажды назвала их бабушка, остатки былой роскоши. А на одной тарелке была изображена целая картина: на опушке леса стоял кто-то, одеждой похожий на царевича, в доспехах и с луком. Но самым красивым Сереже показался перламутровый кувшинчик. Ночью, когда выключали центральную люстру, и на бабушкины остатки роскоши падал свет от ночника, кувшинчик отдавал таинственным волшебным свечением, с переливами из зеленого в сиреневое.

Бабушка все переживала, что через матрас пройдет холод, и подложила Сереже снизу вдобавок шерстяное одеяло. И еще норовила подоткнуть одеяло, которым

его укрывали, чтобы он не раскрылся ночью и не простыл. Но, укрытый так, Сережа чувствовал, себя словно в силках, и понемногу выдергивал из-под матраса край одеяла. Засыпая, он вглядывался за стекло горки. Горка превращалась в сказочный расписной замок со стеклянными воротами. Иногда, проснувшись среди ночи, он слышал, как посуда в горке едва позвякивает. Это ходит бабушка. То к ванной, то к дедушке. На кухне горит свет, дверь из комнаты в коридор приоткрыта, и виден кусок освещенной стены коридора.

Сережа раньше и предположить не мог, что кто-либо из его родни способен на такую жуткую процедуру, как колоть уколы. А между тем бабушка это делала несколько раз в день. И даже ночью. И хоть таинства укола выполнялись за дверью, в дедушкиной комнате, и были скрыты от Сережиных глаз, он догадывался, какие ужасы претерпевает дедушка. Особенно страшно ночью. Бабушка тихо вставала с кровати, прикрывала дверь в комнату дедушки и включала там настольную лампу. Ночные звуки из соседней комнаты -зловещие знаки ледящего душу таинства.

Сережа пару раз днем подглядел в щелочку и скоро стал определять по звуку: вот бабушка зашла к дедушке, поставила на стеклянную полочку бутылочку со спиртом. Минутная тишина. Это бабушка протирает ваткой со спиртом ладони. Вот тихий тонкий звук стекла. Это она возится с флаконами, в которых лекарство. Вот она открыла блестящую металлическую коробочку со шприцем. Тишина – бабушка набирает в шприц лекарства. Ставит пустые флаконы на стол. Скрипнула кровать, это дедушка повернулся так, чтобы бабушке было удобнее уколоть. Как говорит бабушка – подставил ягодичу. Минутная тишина. Самый жуткий момент. Бабушка делает укол. Вот снова кровать скрипнула, но уже иначе, это дедушка отвернулся после укола. Вот бабушка положила шприц обратно, звякнув коробочкой.

Бабушка хоть и расстилала для себя узкую железную кровать, которая стояла в большой комнате у окна, но спала лишь урывками. Днем она шла на работу. Отец и дядя Витя подменяли бабушку, когда она уходила. Сережа слышал, как она сказала им, что рада, что они приехали. А то она весь свой отпуск израсходовала. А отпуск по уходу, поскольку они приехали, брать не будет. Когда бабушка приходила с работы, но отец или дядя Витя были в комнате у дедушки, она ложилась на черный диван и отсыпалась. И ей было не до Сережи. Отцу и дяде Вите тоже. Они подолгу о чем-то, говорили на кухне. Сережа впервые увидел отца курящим. На кухне бабушка позволяла сыновьям вытянуть пару папирос. А дедушке в куреве отказали. Сережа любил, когда после

папиного курения проветривали кухню, и открывали форточку. Со свежим воздухом влетали звуки внешнего мира. Кухня выходила окном во двор. Из окна можно было смотреть на покрытые снегом ветви высоких берез. А если стать на стул, прикоснуться лбом к стеклу и посмотреть вниз, можно было увидеть край заснеженного двора. Там играли мальчишки. Ни березам, ни мальчишкам не было до Сережи никакого дела. Мальчишки даже не подозревали о его существовании. Этот заснеженный город не знал о его существовании. Его во двор не пускали. У мальчишек были валенки, а его пальто и ботинки оказались не по здешним холодам.

- Не хватало еще, чтобы ребенок заболел, - сказала бабушка.

И снова ее слова прозвучали как приговор. Сережа не знал, куда ему приткнуться. Из-за холода окна в комнатах были плотно закрыты, и щели законопачены ватой. Открывалась только форточка. С улицы днем шел мягкий однотонный свет, свет заснеженного города. Стекла мороз расписал диковинными, замысловатыми узорами, какие Сережа видел до того только на новогодних открытках. Он привык к другой зиме, почти без снега, когда в окна светит хоть не жаркое, но яркое южное солнце, и на стекла ложится не морозный узор, а тонкие арабески, тени голых веток акаций и каштанов.

Ни детских игр, ни книг для детей у бабушки не было. Сережа от скуки выходил в коридор и подолгу разглядывал золотые якоря на черной морской шинели дяди Вити. Больше в квартире не было ничего интересного. Можно еще разглядывать посуду в горке и книги из книжного шкафа. Книг было много, но это были книги для взрослых. Попадались, Сережа уже понимал, нерусские книги. В некоторых встречались странные картинки. Папа сказал, что это бабушкины книги по медицине. Но в самом углу нижней полки Сережа раскопал две, ни на что не похожие, совершенно диковинные. Буквы на темно-синей обложке с золотым тиснением казались чудными колдовскими значками. Страницы книг чистые и гладкие, добавляли странности, так как, сразу было видно, что открывали их редко, если открывали вообще. Самое странное, Сережа, впервые видевший такие значки, полистав странные книги, сообразил, что они сшиты задом наперед, и догадался, что наткнулся на след какого-то загадочного, непонятного задомнапередного мира. Отец от его расспросов только отмахнулся. Тогда Сережа показал странную книгу бабушке.

- Лева, - повернулась бабушка к сыну, - Пора бы уже ввести ребенка в курс дела.

- Введу, введу, - устало буркнул отец.

Но заниматься введением в курс дела папе было, как видно, недосуг. Все были заняты дедушкой. И, Сережин интерес к загадочным книгам скоро иссяк. Прошла неделя и бабушка сказала.

- Ну, слава богу, все обошлось.

На следующий день Сережа увидел дедушку. Прежде в дедушкину комнату ему заходить запрещали, он видел только край его головы, на большой мятой подушке. А в этот день дедушка стоял у кровати во весь рост: высокий, худой, бледный, с седой бородкой.

Дедушка пошел на поправку, и даже шутил с внуком, непривычно величая его Сергеем Львовичем. Сережин отец собрался домой. Он не мог долго оставаться. Дядя Витя, долговязый, как дедушка, ежился и переминался с ноги на ногу, стоя на промерзшем перроне. На прощанье он открепил от шинели якорь и подарил Сереже. И пообещал приехать к ним на юг летом. В поезде Сережа спросил:

- Папа, когда ты введешь меня в курс дела?

- В какой курс? - отец уже все забыл.

- Помнишь, ты бабушке обещал?

Слова курс дела звучали очень по-взрослому. Сережа ждал, когда ему объяснят, что там за курс дела такой. Но отец молчал и долго смотрел на плывущие за окном заснеженные поля. Поезд шел на юг. И когда они проснулись следующим

утром, в окно били яркие лучи солнца. Пусть, пока зимнего. Но в купе на Сережиной кровати стало тепло и уютно. А оставленный в заснеженном прошлом незнакомый холодный город, березы в снегу, издерганная уставшая бабушка, которая умеет делать уколы, дедушка в пижаме, черная дядина шинель с якорями, причудливая посуда и загадочные книги, – все это в лучах солнца с каждым часом, с каждым километром, приближавшим Сережу к дому, тускнело в его памяти.

Под южным солнцем далекие образы белого заснеженного города, бабушки и дедушки выгорели, потускнели. Огромное пространство разделило их. Только поздравительные открытки, которые были поначалу сущим наказанием, но которым не страшны расстояния, оставались тонкой цепочкой между Сережей и бабушкой с дедушкой. На открытках он учился писать. И бабушка с дедушкой видели, как от праздника к празднику становится его почерк и улучшается язык. От бабушки и дедушки тоже приходили и поздравительные открытки, и длинные письма. Но письма были для папы, не для него. И Сережа убедился в мысли, что бабушкин мир, это скучная сторона мира взрослых. Она, без картинок, и она не для него. Письма приходили, а сами дедушка с бабушкой так и не приехали в гости. Как объяснял Сереже отец, у них много работы. А Сережа по ним не скучал. И папа, когда ездил туда, его с собой не брал.

Праздников хватало: ноябрьские, майские, Новый год. А на Восьмое марта он писал персонально бабушке. Писал открытки, пребывая в благом неведении, не задумываясь и, следовательно, не сомневаясь, что бабушка, как и все вокруг, и он сам – плоть и кровь русского мира, русского пространства. С его привычными праздниками, с белобородым дедом Морозом, с тремя богатырями в степи, с Аленушкой над прудом. Известием, подобным ушату воды, что бабушка Маша, не русская, а еврейка, Сережу огорошили соседи по подъезду, когда ему было лет девять – десять. Соседи помнили бабушку. Она когда-то, когда Сережи еще и на свете не было, оказывается, жила в этом городе. Работала врачом. Занесло на несколько лет после войны. А потом уехала.

О евреях он к тому времени знал мало. Город ему казался русским. Он знал что, в принципе, такие существуют. Где-то в неизвестности. И что они нехорошие. В школе про евреев не учили. Но, как говорится, незнание не освобождает от ответственности. Новость, мягко говоря, его не обрадовала. От бабушки Маши он такого подарочка не ожидал. А он в поздравительных открытках еще приписывал приглашение приехать. Вот тебе бабушка и Юрьев день. Он помнил ее строгой и не улыбочливой. А последняя новость не добавила любви к бабушке.

Когда пришла пора поступать в институт, Сережин приятель Саша Иванченко первый который шел на золотую медаль, агитировал Сережу ехать в Москву. А родители настаивали на другом. Они считали, что ему разумнее ехать в Свердловск. Там и поступить легче, и он может жить у бабушки с дедушкой. Или, по крайней мере, ходить к ним в гости. И будет и ухожен, и присмотрен. А город большой, и театры есть, и заводы, чтобы потом работать. И дедушка не последний человек. И бабушка тоже. Но город остался в Сережиной памяти связанным с болезнью, с тревогой, печалью, неприкаянностью, скукой и с холодом. И учиться там, а тем более жить и работать в тех местах, он абсолютно не собирался. Кроме того, ему не хотелось быть под присмотром. И еще одно – ему не хотелось укреплять ту связь, которая не способствовала росту репутации. Эта связь была нерушимой, родственной. Порвать ее было никак невозможно. Но не сосредотачиваться на ней – вполне можно. Да и было ли у него что-то общее с бабушкой, кроме того, что она его бабушка? Ничего! И он твердо заявил родителям, что он поедет в Москву.

И он поступил-таки в московский институт. И скоро отец зачастил к своим родителям. Дедушка Коля стал сдавать. Отец ездил через Москву. Использовал лишний случай повидать сына. Отец планировал перевезти родителей к ним, на юг, искал обмен. Но, не так-то просто обменять север на юг. А у Сережи за своими студенческими делами не мелькнуло мысли, смотаться к дедушке с бабушкой.

Сергей проучился где-то полтора года, когда умер дедушка Коля. Отец с матерью на похороны Сережу не звали. У мальчика вот-вот сессия. Да и дедушку он, практически, не знал. Родители занялись обменом вплотную и, в конце концов, бабушка Маша, переехала к ним в город.

Приезжая на каникулы, Сергей заходил к бабушке только под родительским давлением. И с неудовольствием отмечал, что бабушка, постарев, стала сентиментальнее. Прежняя суровая и сосредоточенная бабушка его больше устраивала. Контакты с мало знавшей его бабушкой не налаживались. Общение с взрослым внуком не завязывалось. Родственные объятия, что пыталась раскрыть с запозданием невысокая сухая старуха со своеобразным произношением, Сереже не были нужны.

Но кроме нежелательных родственных объятий проявились и желательные документальные. Родители совершили какой-то хитрый ход конем. Выписали его

от себя и прописали к бабушке. И теперь он, московский студент, живший на каникулах у родителей, а к бабушке ходивший как на голгофу, согласно документам жил с бабушкой.

Бабушка ненадолго пережила дедушку. Когда она умерла, он заканчивал институт. И в этот раз, родители сообщили ему только тогда, когда бабушку уже похоронили. Не хотели его тревожить перед сессией. Но прямо в последнюю сессию пришла телеграмма, чтобы он срочно позвонил домой. Мама сказала, что ему либо нужно быстро закрыть сессию, либо как-то передвинуть экзамены, потому что ему необходимо походить с отцом по инстанциям. Причем, поскольку тут с документами какая-то заковыка, приезжать нужно обязательно и срочно. Промедление смерти подобно. Не смерти, но потери квартиры. Бабушкину квартиру, которая должна отойти Сереже, нужно оформить как можно быстрее. Он к тому времени уже сдал только один экзамен из пяти. В результате со всеми его стараниями в течение оставшихся четырех дней он сдал еще два. А два оставшихся ему в деканате, исходя из его непредвиденных семейных обстоятельств, перенесли. На досдачу после каникул.

Этот период зимних каникул оказался для Сережи безрадостным. В то время как его школьные друзья, вернувшиеся на каникулы, отрубались по полной, он ходил с отцом по кабинетам, торчал в коридорах и злился на бабушку. Каких-то бумаг не хватало. Как будто она виновна в отсутствии этих бумаг и свалила на него проблемы.

Родители запретили ему трепать языком. Никому не нужно знать про квартиру. Зависть людская велика. И даже когда проблема благополучно разрешилась, родители начинали день с политинформации, чтобы он не трепал языком. Он даже не мог воспользоваться тем, что ему теперь принадлежало – бабушкиной квартирой. Родители считали, что Сереже пока туда не соваться. Береженного бог бережет. К тому же, свободная квартира хуже запретного плода. Никому про это не нужно знать, и друзьям в первую очередь. И вообще, ему пора обратно в Москву. Два экзамена висят хвостами.

Он это понимал, но от хождений по кабинетам так устал, что выпросил у родителей три свободных дня. Его друзья, бывшие одноклассники, мгновенно пронюхали насчет квартиры. Студенческие каникулы еще не закончились, они еще не успели разъехаться. Как тут не собраться и отметить? И самое удобное – в бабушкиной квартире. И он уломал родителей на один сбор. Скрепя сердце, дали ему ключи, но предупредили, чтобы там не шумели, сидели, как мыши,

соседей не тревожили, и грозили, что в любую минуту могут прийти проверить, чем они занимаются.

Одни личные вещи уходят с хозяевами, другие переживают хозяев. Из бабушкиной старомодной разномастной посуды на молодую компанию не хватало только бокалов. Они, наверное, побились, когда бабушка была моложе. А по старости ей бокалы и не нужны были. Так что вино пили из стаканов и кружек. Остальная же посуда прекрасно подходила. Но осиротевшие книги, солидные и непонятные, пылились на полках балластом. Сашка Иванченко, учившийся в меде, заглянул в бабушкины талмуды и состроив патетическую мину, сказал, чтобы Сережа не вздумал их выбрасывать. Пусть книги и на немецком, но многое на латыни. Не для каждого, а для специалистов. Не в том даже дело. Сами книги, по всему видно, раритеты.

Сашка продолжил копаться в шкафу и выудил те самые бабушкины фолианты, которые озадачили Сережу в детстве. Те, написанные задом наперед, с золотым тиснением на обложке. Те, что в далеком детстве озадачили Сережу. Теперь Сергей знал, что это книги на еврейском языке. Тоже раритеты? Может быть. Но, конечно, такими раритетами нечего козырять. И в ответ на удивленные вопросы Иванченко Сережа только пожимал плечами. Сам понятия не имеет, что это. А Сережа после ухода друзей засунул эти книги подальше.

Сергей Львович был изумлен, насколько прогресс затронул похоронное дело. Теперь осознав цену земли, сообразили, что кладбище – это немалые квадратные метры, пусть, предназначенные для мертвых, но, не менее востребованные, чем квадратные метры для живых. И даже более востребованные. Живой, если негде голову приклонить, перетерпит, пристроится. А мертвому куда? Мертвый ждать не будет.

Поэтому, представители могильного бизнеса, прочувствовав, что могилы не просто золотое дно, а бездонная золотая кладовая, постарались, чтобы кладбище соответствовало рыночным стандартам. Некогда бесхозную, захламленную, в ямах и колдобинах полоску земли перед кладбищем выровняли и закатали асфальтом. И вот тебе платная стоянка. И еще хватило места на мини-рынок у самых ворот. Старушки продают цветы. Ларек «церковной лавки» со свечами, молитвенниками, крестиками, образами радует глаз. А следом еще

больше радует глаз стеклянный киоск с не менее разнообразным ассортиментом: вода, кондитерские изделия, пресса, сигареты, жвачка, игральные карты, презервативы. Пока жив человек, кто знает, что ему понадобится.

Сергей, достал из багажника взятые с дачи лопату и грабли и вышел к кладбищенским воротам. Не скажешь, что было людно. Те, кто должен прийти по Диминому призыву, мимо ворот не пройдут. И он, увидит знакомые лица. Все-таки несколько раз он бывал у Димы в офисе и кого-то видел. А вообще нужно, как говорится в известном анекдоте, определяться не по паспорту, а по морде. Хотя и тут не все так просто. Например, он-то сам по обоим показателям числился русским. Нужно положиться на Диму. Тот всех соберет. Димы пока не было. Чтобы не терять времени, Сергей набрал номер Ларисы Андреевны.

- Привет, ну как? Все в силе? – спросил он.

- В силе. Ты едешь?

- Нет, я же тебе говорил, что с утра занят. Часика через два освобожусь.

- Хорошо. Только не тяни резину. Ты ведь понимаешь, ситуация может измениться. Ты мне перезвони, как освободишься.

Лариса Андреевна из планового отдела свое время планировала с максимальной точностью. Дима известил Сергея насчет зачистки еще в четверг. И Сергей Львович в пятницу на работе сообщил Ларисе Андреевне, что будет в городе в эти выходные. И получил добро на встречу. Сергей был рационалистом. Если уж приходилось коверкать дачный отдых возвращением в город, например срочная субботняя работа, аврал, он старался заодно закрыть в городе городские дела. Кое-что из еды подкупить, к родителям заглянуть. И Лариса Андреевна входила в список городских дел. А если случались осечки, то не по ее вине. Только из-за Сергея Львовича.

Сергей Львович ждал у кладбища. Никто из еврейского землячества не появлялся. Такой своего рода талант, как точность, их обошел стороной. А ведь точность ценится не меньше таланта. Иногда людям чихать, что ты музыкант или академик. Они ценят точность. Точнее, точность могут не заметить, а вот неточность заметят. Точность важна даже на кладбище. Канувшим в лету уже все без разницы. Им все равно, в какую могилу их опустят. А живым не все равно. Живым нужно знать заранее, сколько человек будет на похоронах, сколько порций заказывать. Вот тут у входа на кладбище часы на столбе. Зачем? Напоминание живым?

И Сергей вспомнил Володю Стаценко с его Дали. Володя работал с ним в одном цеху. Был он старше Сергея. Но они сблизились, непонятно почему. Может быть и потому, что он в Сергее хотел найти такого же поклонника живописи, как он сам. Володя сам немного рисовал и подражал Дали. Просто помешан был на Дали. Как-то притащил на работу альбом с его картинами. И тут Сергей с Володей не согласился. Он в этих картинах ничего не понял. И сколько Володя ни убеждал, что картина с часами – шедевр, убедить Сергея не смог.

Володя работал когда-то по горячей сетке и на севере. Ушел на пенсию рано. Мог бы еще работать. А нет. Он теперь дни и ночи рисовал. Однажды Сергей встретил его в городе. И Володя сказал, что сейчас, наконец, он до конца понял смысл жизни и смысл картины Дали с оплывшими часами. Во-первых, он сейчас, как пенсионер, к бегу времени стал равнодушен. И это возрастное равнодушие к времени, по его мнению, Дали гениально передал в оплывших часах. А кроме того Дали, вероятно, намекал на отношение ко времени художника, художника сюрреалиста, для которого все равно день сейчас или ночь. Теперь Сергей во время досадной потери времени у кладбищенских ворот задумался о сути времени и вспомнил картину Дали. Может быть это картина о том, что, в то время, как живых время ценно, а подчас даже бесценно, для мертвых это материя потусторонняя. И самое место у входа на кладбище повесить оплывшие часы, как на картине у Дали.

Еще пять минут и он имел бы оправдание для самого себя. Самый требовательный еврей города не мог бы его упрекнуть, что он плюнул на моральный долг и сорвался к Ларисе Андреевне. Но в это время и появился Дима. И не один, а с Леной, молодым человеком которого Сергей встречал прежде.

– Пошли? – нетерпеливо спросил Сергей Львович

– Веня еще должен подойти, – сказал Дима

– Какой Веня?

– Как какой? – удивился Дима, – Сапожник. Ваш папа его знает. И Веня, мне кажется, вас знает.

Сергей прекрасно знал, о ком идет речь. О сапожнике Вене он узнал еще когда вернулся в город молодым специалистом. Жил он в бабушкиной квартире. Но родителей беспокоило, как бы отдельная квартира не стала для сына скользкой дорожкой. И они, как могли, подсыпали на эту дорожку песка. Мать то и дело заглядывала к нему. Она осматривала квартиру, как сержант солдатскую койку. Беспорядок в квартире ее успокаивал. Не чувствовалось женской руки. Плохо, конечно, что сын неаккуратен. Но, с другой стороны, считала мама, та, ради которой сын бы стремился к аккуратности, должна войти в его жизнь через дверь, где мама будет стоять стражем. Конечно, сыну бы можно и о женитьбе думать. Диплом есть. Работа есть. Квартира есть. Но если он, пока занят мячами, да гантелями, это тоже не страшно. Про Наташку бдительная Сережина мама, не пронюхала. Осторожная Наташка обхитрила мамину бдительность, как Штирлиц обхитрил Мюллера. Наташка проскальзывала к нему тенью. Это случалось от силы пару раз в неделю. Продолжалось недолго. Сережину постель она не застилала, посуду не мыла, и порядок не наводила. Короче, следов не оставляла.

Сережиной зарплаты на то, чтобы сменить обстановку не хватало. Его вполне удовлетворяла бабушкина посуда. Ее старые книги ему не мешали. Но когда друзья, которым судьба не поднесла такой манны, как отдельная квартира, намекали, что неплохо бы у него собраться, Сергей этого избегал. Не хотел слушать потом мамины поучения. Чтобы родители меньше совалась в его жизнь, он выходил со встречной инициативой. По выходным ходил к ним в гости.

Раз они с отцом он пошел за покупками в город. Отец захватил туфли, чтобы сдать в мастерскую. Мастерская располагалась в самом центре города, на бойком месте, пяточке у остановки, где смыкались основные транспортные маршруты. Входящих в мастерскую встречал мягким долгим звуком медный колокольчик над дверью мастерской. Сергей и не подозревал, что его отец прекрасно знает сапожника и даже по-приятельски зовет его Веней. А Веня,

заметив, что колокольчик заинтересовал Сергея и сказал, что музыка колокольчика имеет волшебную силу.

Серезу удивило, что у отца, и Вени имелись общие темы для разговора. Туфли в ремонт – это полдела. Точнее это предлог. А глаголом Веня владел мастерски: тот умер, тот женился, тот развелся, тот уехал. Лев Николаевич выслушивал Веню, как слушают новости. У Вени и Серезинога отца были не только общие темы, но и общие знакомые, женящиеся и разводящиеся, увольняющиеся и увольняемые, болеющие и уезжающие. И хроники этих болеющих и женящихся, разводящихся и увольняемых были устной летописью невидимой еврейской жизни в их совершенно нееврейском городе.

Есть ли в русском городе еврейская жизнь? Социалистическая теория давала четкий ответ. Сформировалась новая историческая сущность – единый советский народ. Общность это когда нет отклонений. Ничего инородного. Все в одной шеренге. А тут пишут в обратном направлении. Глядишь, и зашагают в обратном направлении. А уж если что инородное на практике все-таки пробивается, оно допустимо только в безобидном виде разговорного жанра: обмена новостями, пересудов, слухов, анекдотов.

Сергей равнения в шеренге нарушать не собирался. Он к байкам сапожника, взявшего на себя роль еврейского Гомера, явил подчеркнутое равнодушие. Отошел подальше, к входной двери, ближе к свежему воздуху, и, чтобы себя занять чем-то иным, тронул рукой колокольчик.

– По ком звонит колокольчик? – с мягкой улыбкой человека прекрасно понимающего его поведение, отозвался Веня, – Как у Хемингуэя, мой колокольчик звонит и по вас. Вы можете стоять у двери и воображать, что ваше дело сторона. Но, вам, я думаю, и раньше случалось слышать звон еврейского колокольчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kolos_leonid/zachistka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)